

ПАМЯТИ Е.Я. ПРУДНИКОВОЙ

Как тут быть? Все в мире бренно
И крапива, и цветы.
Только Пулковое нетленно,
С ним и Служба широты!
ЕЯП

6 января 2018 года не стало Елены Яковлевны Прудниковой.
Вот её собственноручная, крайне скупая научная биография:

01 августа 1967 г. Поступила на должность старшего лаборанта в отдел астрономических постоянных Главной астрономической обсерватории АН СССР.

03 августа – первая наблюдательская ночь на ЗТЛ-180.

После завершения программы на ЗТЛ-180 в 1974 году продолжала наблюдать на ЗТФ-135.

01.04.1977 г. переведена на должность младшего н.с. в отдел «Вращения Земли» (по конкурсу).

*06.05.1986 г. присвоено **ученое** звание младшего научного сотрудника.*

Наблюдения с 1967 по 1974 гг. послужили материалом для диссертации на тему: «Изучение движения полюсов Земли и получение каталога склонений звезд по наблюдениям специальной программы», которую я защитила в 1988 г.

01.02.1991 г. – научный сотрудник.

04.11.1997 г. присвоено звание «Ветеран ГАО»

19.11.2015 г. уволена.

Здесь и годы наблюдений на инструментах в Пулковое и Китабской широтной станции, и оперативная обработка наблюдений в режиме службы, и постоянные исследования инструментальных параметров, и десятки научных работ по проблемам вращения Земли, и постоянная работа в культурной и просветительской деятельности обсерватории, и ... обидно скромная оценка этого труда в послужном списке в обсерватории, где наблюдения являются, по сути, основным родом деятельности.

Многие из нас проработали с Еленой Яковлевной в обсерватории более сорока лет, занимаясь астрономическими наблюдениями и интерпретацией разных граней одного явления – вращения Земли и колебания её полюсов. Четыре телескопа служб времени и широты и их команды каждую ясную ночь из года в год фиксировали мгновенное значение этого вектора. Елена Яковлевна была продолжателем плеяды пулковских женщин астрономов-наблюдателей широтной группы – С.А.Романской, Л.Д. Костиной, Н.Р. Персияниновой.

Наблюдения дисциплинируют и, со временем, что-то меняют в ценностной ориентации учёного. Начинаешь понимать их первичность, абсолютную значимость для всего последующего знания. Наши наблюдения тем ценнее, чем больший период они охватывают. Видимо поэтому последними работами Елены Яковлевны с коллегами были работы по истории широтных наблюдений в Пулковое, о ведущих специалистах службы широты, а также продолжение ряда колебаний полюса на десяток лет в прошлое на основе первых пулковских наблюдений.

У Вселенной другой масштаб времени, «здесь годы, там мгновенье». Вероятно это же чувствовала Елена Яковлевна, когда писала в своих воспоминаниях о Пулковке:

... иногда слышала даже от хороших наблюдателей, что им жаль времени, потраченного на наблюдения. Я при этом испытывала одно – мне было жаль говорившего. ... с ростом опыта росло осознание того, что, если что и остается после исследователя, так это именно наблюдения, которые он выполнил.

Эта её оценка роли наблюдений в жизни астронома перекликается со словами третьего директора нашей обсерватории Ф.А. Бредихина: *... нельзя сводит всю астрономию к одним вычислениям или к переворачиванию старых формул на новый лад. ... тот не астроном, кто не умеет сам наблюдать, потому что такой человек не может отнестись критически к тому материалу, который кладётся им в основание своих вычислений и теоретических соображений.*

(сб., Ф.А.Бредихин, М. «Планета», 2013, стр. 87)

Поколения наблюдателей меняли представление о Вселенной, каждый в своей области наблюдения. Перекладывая наблюдения на автоматы, мы при этом частично обкрадываем себя. Природа остаётся по ту сторону экрана компьютера. Возможно, мы понимаем её всё лучше, но чувствуем хуже. Иногда и вовсе не чувствуем, и это может плохо кончиться. Разумеется, для нас, не для природы.

Елена была лишена этой однобокости, она была одарена полнотой восприятия природы и, главное, возможностью это выразить. Её художественные и поэтические опыты стали более доступны для нас фактически после её вынужденного из-за болезни ухода из Пулкова. Написанные ею стихи и, особенно, переводы делают очевидным её романтическую привязанность. Гейне, Байрон, Толкиен, – вот её любимые авторы для переводов. Наследство её в этой области определёнno долговечней, чем наши астрономические работы на фоне быстро меняющегося ландшафта научных исследований. Это, безусловно, главный её мир, мир, порой поражающий точностью найденного слова, композиции. При этом часто рисунок продолжает и расширяет строку, делая впечатление завершённым.

Она была влюблена в Крым и проводила там много времени, оставив нам Киммерийский цикл стихов и акварелей, который, на мой взгляд, просто замечателен и сродни Волошинскому.

*Ночной волны
Короткое дыханье...
Златой Луны
Спокойное сиянье...
Качанье звезд,
Подъемлемых волной...
Молчанья мост
Меж небом и землей ...*

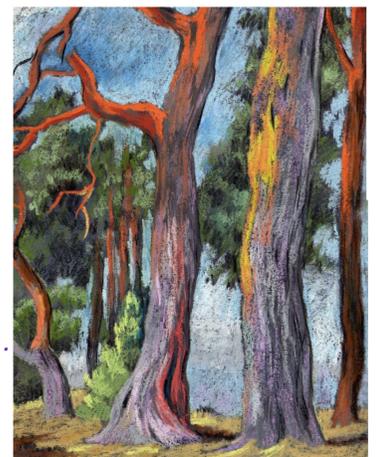
Друзья из симферопольского общества любителей астрономии (СОЛА) помнят её до сих пор. Позволю себе цитату из переписки с одним из старых членов СОЛА: *В 60-х мы немного переписывались. ... этот контакт произвел на меня неизгладимое впечатление, которое помогло мне как-то сориентироваться в этой жизни. Созданный ею образ Атоса во многом противоречил концепции Дюма: логика, благородность и трезвость оценок имели место, а вот, холод и цинизм мышления отсутствовали напрочь. Искренне надеюсь, что ее тогдашние подруги (Портос и Арамис, не помню, к сожалению, их имен), если и не процветают (сложно в нашем возрасте), но, по крайней мере, здравствуют. Печально, словом ...*

Проведя в Китабской широтной станции на наблюдениях многие месяцы, она и оттуда привезла цикл стихов и дополняющие их колоритные восточные пейзажи. А на горе Майданак надолго ещё останется воспроизведённый прямо на стене павильона рисунок из её астрономического цикла.

Можно перечислить и другие тематические циклы картин и стихов, сестрорецкий, например:

*Мерный гул прибрежного наката,
Запах сосен, соли и песка ...
Где еще в забвенности возврата
Мира бестревожнее искать?
Дым костра, смолистый и старинный.
Томен жар - а свежий ветер юн,
Что поет над берегом пустынным
В струнах сосен гимн янтарных дюн.*

Или огромный цикл иллюстраций к роману Толкиена «Властелин колец», который ею тоже переведён. Более подробное, но всё равно не полное представление о её творчестве можно получить на сайте: <http://www.gaoran.ru/english/as/personal/ep/prudnikova.htm>

Она продолжала рисовать до последней возможности, пока руки позволяли держать кисть. А стихи - до последних дней, уже не на бумаге, на компьютере – карандаш было не удержать. Единоборство Елены с разрушающей её тело болезнью – это героизм духа.

Ужасная болезнь унесла тело. Душа её останется с нами, пока мы живы.

В.Горшков